

«НУЖНО СОБСТВЕННОЮ ЖИЗНЬЮ ДОКАЗАТЬ СВОИ СТИХИ...»

Роберт Иванович Рождественский
(1932–1994)

Роберт Иванович Рождественский вошел в историю отечественной литературы вместе с оттепелью, которая стала основой рождения особого явления – «шестидесятников». Определение «шестидесятники» применялось чаще всего к поколению, рождённому в 1920–1930-е годы. Их судьбы совпали с тяжёлыми историческими и социальными переменами, которые, безусловно,

сказались и на личных судьбах людей, но они сформировали особый тип советского человека, имеющего собственное мнение и отточенные идейные убеждения. Поколение их родителей прошло через революцию, гражданскую войну, многие стали убеждёнными большевиками.

С определением «шестидесятники» связано, прежде всего, творчество Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского... Это они вернули поэзию на подобающее ей центральное место, собирая публику на свои поэтические выступления стадионами и тысячами, пробудили в обществе желание читать и понимать, воспитали отношение к книге как к главному собеседнику, помогающему разобраться в важнейших жизненных вопросах и в основных ценностях. Это их усилиями слово поэтическое стало более значимо, чем политическое, а сборники поэзии и прозы стали расходиться в магазинах несметными тиражами!

«Политехнический... А ведь были ещё и Лужники... Четырнадцать тысяч слушателей, толпы у касс, конные патрули... Шестидесятники читали стихи, а четырнадцать тысяч человек сидели, затаив дыхание. Платили за такие триумфальные выступления, по-моему, по 18 рублей. Но мы тогда об этом не думали. Слово бизнес, да и само это понятие – не из нашего лексикона. Это не было заработком. Шестидесятники находили себя в общении с огромной аудиторией, в сумасшедших глазах слушателей. Я помню, какие тучи народа сбивались вокруг поэтов – все хотели получить автограф... В то время в воздухе ощущалась нехватка поэтического слова. И не только в нашей стране. Я помню парижскую поездку шестьдесят восьмого года: Твардовский, Мартынов, Слуцкий, Андрей, Белла, Роберт. Они выступали в огромном набитом зале, итрансляция шла на улицу, у входа в здание стояла толпа» [Киреева, 2002, с. 427–428].

Писатель А. Приставкин [2002, с. 61] в воспоминаниях о Р. Рождественском пишет: «Шли шестидесятые, та самая «оттепель», а мы доверчивы и оптимистичны. Это потом время нас разбросает во все стороны. Я согласен с теми, кто утверждает, что шестидесятничество – это вовсе не групповщина и не движение. Это подвижка умов в условиях «оттепели» у нашего поколения, атмосфера, дух свободы, который мы тогда вдруг ощутили. Что там Достоевский, или Андрей Платонов, или Михаил Булгаков, когда под запретом был даже Есенин!»

В атмосфере «шестидесятничества» сформировались и обрели свой литературный стиль и жест многие поэты и прозаики, кого сегодня мы называем классиками советской литературы. Это Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава и Андрей Дементьев, Юнна Мориц, Александр Галич, Юрий Визбор, Юлий Ким, Новелла Матвеева, Римма Казакова, Вадим Шефнер, Олжас Сулейменов, Валентин Катаев и Борис Полевой... Этот список имеет продолжение, и немалое. В том числе – и по составу Алтайской писательской организации.

Е. Евтушенко [2002, с. 125] вспоминал: «Это было послесталинское время. Тогда и было мое настоящее начало, благодаря литературной среде – мы вместе развивались, очень часто выступали вместе... Спорили, говорили, читали стихи, критиковали, советовали что-то друг другу».

Безусловно, первый, кого здесь важно назвать – Роберт Иванович Рождественский. Он никогда не был в составе Алтайского отделения Союза писателей СССР, но он родился на Алтае, и эта земля, и этот литературный мир освящены его именем, его присутствием, его гением. Этот факт принципиально важен для понимания литературных процессов на Алтае. Тем более на его примере можно наглядно увидеть сам феномен «шестидесятничества» с тем, чтобы потом проверить выделенные качества на примере соответствующего поколения писателей Алтая.

Поэзия Роберта Рождественского обладает мощной эмоциональной заразительностью, пронзительностью в передаче главных жизненных ценностей, образов, идей и нравственных максим. Его стихи вдохновенны, горячи, энергичны или восторженно-созерцательны, до изумления преисполнены любовью к жизни и человеку.

Роберт Иванович Рождественский родился 20 июня 1932 года в селе Косиха Алтайского края. Мама Роберта Рождественского, Вера Павловна, родилась в Петрограде, откуда они с родителями в 1918 году переехали на Алтай, спасаясь от голода. Сначала жили в селе Чесноковка Алтайского края. В 1920 году переехали в Барнаул.

Много лет спустя, уже известным поэтом, Р. Рождественский напишет:

Луна, сквозь тучи прорастая,
Глаза зелёные скосила.
Родился я в селе Косиха
Дождливым летом.
На Алтае...
А за селом

синело поле
и пахло
Ливнем переспелым... <...>

В 1929 году Центральный Комитет комсомола обратился к молодёжи с призывом: «Комсомольцы – в деревню!» Его будущая мама, Вера получила диплом об окончании техникума, а в горкоме комсомола – путёвку, направление на работу в Косихинский район Западно-Сибирского края учительницей первой ступени. «Это было в 1930 году, как раз после Гражданской войны. В отдельных районах свирепствовал сыпной тиф, и с мылом было очень тяжело. Я решила побрить голову, так как могут быть вши. Когда пришёл с работы отец, я попросила его обрить меня. Он сказал: «Вера, опомнись». Мама пришла, он ей говорит: «Что она требует? Обрить её». – «Ну, обрей! Что тебе?» Папа обрил меня бритвой наголо. Я одела на лысую голову красный платок и стала похожа на всех комсомолок. Сложила свои нехитрые пожитки в деревянный баульчик и отправилась на вокзал. Меня провожала мама. Мама всё время плакала: «Вера, Вера, куда ты едешь, одумайся, ведь тебе 16 лет, место ведь незнакомое, что тебя ожидает там?» – «Ничего, – отвечала я. – Я уже взрослая, мне в сентябре будет 17 лет. Мамочка, не плачь, мне надо ехать, ведь у меня путёвка от комсомола. Я поехала!» Паровоз загудел, и поезд тронулся, и я отправилась в моё первое взрослое путешествие» [Рождественский, 2012, с. 437].

Некоторые факты биографии родителей и самого Роберта приводятся здесь для того, чтобы увидеть меру погружённости советского человека в своё время, в эпоху, в идеалы нового строя; чтобы показать ту атмосферу – в семье и вокруг них, в которой рос и формировал свои идеалы будущий «главный поэт» Советского Союза.

Это было особое поколение, озарённое мечтой создания нового государства, воспринимавшее жизнь как служение, самоотречение, выполнение государственного задания и соизмерявшее собственную судьбу с движением к общей главной цели. Распоряжением

сверху, росчерком пера менялись судьбы и жизни. Государство ставило задачу, – и было невысказано её не исполнить! Это было время созидательной романтики и трагического героизма, когда личные подвиги отдельного человека становились идеалом для подражания, для формирования собственной судьбы:

<...> Мне это повторяют...
А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спелёнатых,
розовых,
орущих парней. <...>
(«Стихи о моём имени»)

Здесь же, в Косихинском районе, Вера Павловна встретила свою судьбу – будущего отца Роберта, начальника ОГПУ Косихинского района Станислава Никодимовича Петкевича. Вскоре они поженились. А когда молодая семья получила известие о предстоящем прибавлении, реакция отца была однозначной: «Станислав, узнав об этом, заплясал и твердил как молитву, что у нас будет Роберт – сын, будет сын Роберт! Будет назван в честь Роберта Эйхе... – секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) – он отличный мужик!» Потом, в стихотворении «О моём имени», Роберт Рождественский скажет об этом с глубоким убеждением в важности этой жизненной связи:

<...> Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!..
Я скажу об Эйхе.

он в ушах моих крепчал
и какой-то долгой нотой
суть мою
обозначал.
Он меня за сердце тронул,
он неповторимым был.
Я его услышал.
 Вздрогнул.
Засмеялся
и –
 забыл!.. <...>

Мир, в который пришёл маленький Роберт, изначально проявил к его семье и ему лично такое бескорыстное искреннее участие, что этот величайший долг любви, патриотизма, нежности, личной ответственности за всё и всех на этой земле он платил потом всю свою жизнь – и личными поступками, и проникновенной поэзией:

И теперь никак не вспомню.
И от этого грущу...
С той поры,
 как ветра в поле,
я всю жизнь мотив ищу.
На зимовье
 стыну лютом,
охаю на вираже.
И прислушиваюсь к людям,
к птицам,
к собственной душе.
К голосам зари багряным,
к гулу с четырёх сторон.
Чувствую,
 что где-то рядом,
где-то очень близко

он!..
Зябкий, будто небо в звёздах,
неприступный, как редут.
Ускользящий, как воздух.
Убегающий, как ртуть.
Плеск оркестров.
Шорох санный.
Звон бокалов.
Звон реторт...
Вот он!
 Вроде бы тот самый!
Вроде бы.
А всё ж –
 не тот!
Тот я сразу же узнаю.
За собою позову...
Вот живу и вспоминаю...
Может,
этим и живу.

(«Мотив»)

Именно косихинцы были рядом с Верой Павловной, когда делала она свои первые шаги в педагогике и служении людям. Именно они, простые сельские женщины и мужчины, согревали её в морозы и направляли советом в главных сложных решениях: и в труде, и в создании семьи, и в рождении ребёнка. «Хозяйка любила меня. Как-то мне нужно было поехать по делам на станцию. Была зима, а у меня на ногах тапочки спортивные с галошами, на голове красный платок, одета была в суконный пиджачок, с выстеганной на вате подкладкой, он не доходил до колен, такой же была и юбка... Я поехала вместе с хозяевами на станцию, хозяйка дала мне тулуп, закутала мои ноги в свои длинные юбки и положила между своих ног, чтобы мои ноги не замёрзли, а на станции я купила себе валенки...» [Рождественский, 2012, с. 441]. Та же хозяйка дома, где жила

Вера Павловна и к которой юная учительница обращалась с сомнениями и вопросами взамен оставшейся далеко мамы, посоветовала ей выходить замуж за С.Н. Петкевича: «Парень он хороший, давно в селе работает, уважительный, его в селе все знают. Правда, он старше тебя, ему 25 лет, а тебе 17, но это ничего, не беда» [Рождественский, 2012, с. 442]. И безымянная старушка-соседка, вовремя заставившая мужа отвезти жену в больницу, где вскоре родился Роберт... Кто они, эти люди? Конечно, хорошо бы сейчас узнать, вспомнить их имена, как важно знать и помнить имя любого доброго человека, но важнее здесь другое.

<...> Я благодарю село
по имени Косиха,
благодарю за доброту,
за ощущение истины.
Суматошным друзьям
я говорю:
«Спасибо!»
И низко кланяюсь земле.
Моей земле.
Единственной. <...>
(«День благодарения»)

Роберту Рождественскому (тогда – Роберту Станиславовичу Петкевичу) исполнилось только два месяца, когда отца по работе перевели в Омск, и они навсегда уехали из Косихи. Поэт пишет в своей автобиографии и отмечает в некоторых интервью, что, конечно же, этого места и времени он не помнит. Его сознательное ощущение детства сложилось в Омске, на берегу Иртыша. Но в мире существует много вещей, которые воздействуют на нас незаметно, оставляя след в душе и сердце.

Это была та, особой душевной и идейной наполненности культурная среда, которую он не только впитал «с молоком матери», но которая ещё раньше, задолго до его рождения, подготовила жиз-

ненное пространство для появления «светлого ребёнка» (как его называли все и везде всё его детство).

И Роберт Рождественский напишет об этом в одном из своих зрелых стихов «Сын Веры»:

<...>Я –
сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо!
Я –
сын веры в Завтра –
такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных,
стоящих. <...>

Фраза «Сын Веры» понимается поэтом многозначно. Это и буквально – мама Вера! Если есть «Вера в Завтра и в людей» – то он тоже её сын! По сути, это стихотворение – личная исповедь поэта – перед собой, друзьями, перед всеми читателями. Себя он определяет многими качествами: «сын веры в солнце», «сын веры в труд человека. В цветы на земле обгорелой», сын «Веры в молчанье под пыткой! И в песню перед расстрелом!», «сын веры в земную любовь, ослепительную, как чудо!», «презираю хлюпиков! Ненавижу плаксивых и стонущих!». Весьма показательно, что данное стихотворение Роберт Рождественский написал именно в 1960-е годы, и в нём фактически собраны те идеалы, которыми жили и вдохновлялись «шестидесятники». Все эти идеи позже сложились в отдельные направления его творчества: и труд, и чудо, и преодоление, и торжество жизни, и героическая стойкость, и мужество, и восхищение жизнью...

<...> Сеять хлеб
и смеяться
в ружейные дула...

Жить взахлёб!
Это здорово кто-то придумал!
(«Ровесникам»)

Роберт стал сочинять стихи в 4 года, а с 5 лет записывал их печатными буквами. Читать и писать он научился по газетам. Ещё до школы он исписал своими стихами ученическую тетрадку, но во время войны она потерялась.

Отношениям Роберта с отцом не суждено было продолжаться долго. В 1937 году родители разошлись. Станислав Петкевич участвовал в войне с бело-финнами, служил пулемётчиком в лыжном батальоне, вернулся домой живой, но с отмороженными ногами. А в 1941-м отец Роберта в первые дни войны ушёл добровольцем на фронт и вскоре погиб. Этот образ светлым пятном сохранялся в душе мальчика всё его детство, да и для ставшего взрослым поэта навсегда остался ниточкой любви и вечного сожаления, связывавшей его с мирным довоенным детством.

20 июня 1941 года Роберту исполнилось девять лет. С этого мгновения происходит резкий поворот в судьбе будущего поэта. Он вдруг сразу теряет родителей: маму – на долгие годы войны (26 июня 1941 года она была уже в военном эшелоне), отца – навсегда, а с ним и своё прежнее имя – Роберт Станиславович Петкевич. В конце войны мама сообщит ему, что выходит замуж за военного, Ивана Ивановича Рождественского. Отчим усыновил мальчика, дал ему имя, ставшее для него родным на всю оставшуюся жизнь. Именно в этой круговерти счастливых и трагических обстоятельств сложился и закалился взрослый, ответственный за всё и за всех, проникнутый идеей безоглядной преданности Родине, за которую почти на его глазах положили жизни столько красивых, достойных людей, поэт, человек и гражданин Роберт Рождественский.

Вместе со всеми Роберт со страхом и надеждой ждал писем с фронта от родителей. На отца в начале войны пришла похоронка: он скончался в санитарном поезде от тяжёлых ран. В апреле 1943

года после операции умирает бабушка. Роберт прислал маме письмо на фронт, в котором сообщил: «Бабушку отвёл на операцию в больницу. Приезжай, посмотри, как я живу, маленький хозяин» [Рождественский, 2012, с. 479].

Уже девятилетним ребёнком он выражает свою позицию по отношению к войне, всем её трагическим последствиям.

Потрясённый началом войны и стремительно надвинувшейся разлукой с родителями, находясь в пионерском лагере в Чернолучье под Омском девятилетний Роберт написал стихотворение:

Фашистам не будет пощады!
С винтовкой мой папа уходит в поход.
Желаю, любимый, побед.
И мама зелёную сумку берёт,
Уходит сестрой в лазарет.
Я тоже имею и ловкость, и силу,
Чтоб в бой на фашистов идти.
Но мне «Подожди! – говорит Ворошилов, –
Учись, закаляйся, расти».
Хотя мне сегодня десятый лишь год,
Стрелять научился как надо,
И лишь только Сталин прикажет в поход, –
Фашистам не будет пощады!

Это стихотворение вожатый пионерского лагеря переписал и отнёс в редакцию газеты «Омская правда», где оно было напечатано 12 июля 1941 года рядом со стихами известного сибирского поэта Леонида Мартынова. Свой первый гонорар Роберт передал на строительство танка.

В июне 1944 года командование разрешило маме взять Роберта в свою воинскую часть. Вера Павловна оформила документы на него как на «сына полка», получила военное обмундирование и поехала за ним.

Везёт
на фронт
мальчика
товарищ военный врач.
Мама моя,
мамочка,
не гладь меня,
не плачь!
На мне военная форма, –
не гладь меня при других!
На мне военная форма,
на мне
твои сапоги. <...>
(«В сорок четвёртом»)

Роберт с радостью надел военную форму. Но обстоятельства на фронте опять поменялись, предстояли тяжёлые бои. Мальчик остался на два месяца в Даниловском детском приёмнике Наркомпроса в Москве, а с сентября прибыл по направлению в третье Московское военно-музыкальное училище воспитанников рабоче-крестьянской Красной Армии на Таганке.

Третье музыкальное, –
помнишь ты
или нет
худого и заикающегося
курсанта
двенадцати лет?
Которому сразу же дали
огромный бас-геликон...
Влезал я в него,
как в удава,
свернувшегося клубком. <...>
(«Третье музыкальное»)

Роберт в дни войны много выступал со стихами на заводах, фабриках, училищах, куда его посылало командование. Зрители восторженно приветствовали маленького курсанта, а в училище он получал благодарности.

Сорок трудный год.
Омский госпиталь...
Коридоры сухие и маркие.
Шепчет старая нянечка:
«Господи!
До чего же артисты
маленькие...» <...>

<...> Мы поём.
Только голос лётчика
раздаётся.
А в нём – укор:
– Погодите...
Постойте, хлопчики...
Погодите...
Умер
майор...<...>

(«Концерт»)

Это тот эмоциональный жизненный опыт, который Роберт получил уже девятилетним ребёнком. Он видел не только беды своей семьи, но и всех одноклассников, со слезами провожал на фронт учителей, устраивал акцию протеста против изучения немецкого языка, когда только мудрость учительницы, объяснившей, что на немецком языке говорили многие великие люди, сняла это категоричное неприятие.

Та зима была, будто война, –
лютой.
Пробуравлена,

прокалена ветром.
Снег лежал,
 навалясь на январь грудой.
И кряхтели дома под его весом.
По щербатому полу мороз крался.
Кашлял новый учитель Сергей Саныч.
Застывали чернила
 у нас в классе.
И контрольный диктант
отменял завуч...
Я считал,
 что не зря голосит ветер,
не случайно болит по утрам горло,
потому что остались на всём свете
лишь зима и война –
из времён года! <...>
 (*«Та зима была...»*)

Войной наполнилась вся его жизнь до последнего дня. Он искренне гордился её героями, болел душой за все её трагедии и принимал ответственность за чью-то непрожитую жизнь и чью-то несостоявшуюся любовь на себя лично.

<...> Обещает быть весна долгой.
Ждёт отборного зерна пашня.
И живу я на земле доброй
за себя и за того парня.
Я от тяжести такой горблюсь.
Но иначе жить нельзя, если
всё зовёт меня
его голос,
всё звучит во мне
его песня.

(«За того парня»)

И тогда
встал
лейтенант.
И шагнул по планете,
выкрикнув не по уставу:
«Айда!..»
Встал
и пошёл на врага,
как вслепую!
(Сразу же сделалась влажной
спина.)
Встал лейтенант!..
И наткнулся на пулю.
Большую и твёрдую,
как стена...<...>

(Из поэмы «Двести десять шагов»)

Этот фрагмент поэмы звучит как поэтически сформулированная и цельно представленная система ценностей советского человека: дом, город, Отечество, мама, знакомая природа, любимая девушка, школа, друзья, звёзды, горы, маршал, все военные утраты, и нерождённые дети, и Гагарин, и Тельман, и «Аврора» – все главные святыни, которыми жила советская страна и советский человек. Вес и голос этих «святынь» нарастает с каждой строкой, с каждой строфой, растёт, ширится – и внезапно обрывается оглушающей тишиной...

Такие предельные «эмоциональные качели» являются характерной особенностью поэтического стиля Роберта Рождественского.

<...> Падают мальчики,
руки раскинув просторно,
на чернозём,
от безделья и крови
жирный.

Падают мальчики,
на мягких ладонях которых –
такие прекрасные,
такие длинные
линии
жизни. <...>
(«Я, как блиндаж партизанский, травую пророс...»)

В стихах на военную тему он широко использует эффект неожиданности, противопоставления, и это не выглядит как формальный литературный приём: именно так разворачивалась вся жизнь во время войны, да и не только в войну.

<...> Подходила публика.
Смеялись бабы в голос...
А мальчишка –
замерший,
как громом поражён, –
вдруг сказал:
– Дедушка,
продай мне...
фокус...
Чтоб в конце фокуса...
папа...
пришёл... –
Старичок
беспомощно пожал
плечами.
Цвела
победными лозунгами
щербатая стена...
Люди оглянулись. Люди замолчали...
Кончилась.

Кончилась.
Кончилась
война.
(«Базар того года»)

Именно Р. Рождественскому принадлежат слова, которые написаны на многих обелисках Советского Союза – строки из его поэмы «Реквием».

<...> Вспомним всех поимённо,
горем
вспомним
своим...
Это нужно – не мёртвым!
Это надо – живым! <...>

Они звучат как набат, как звон погребального колокола, как глухие удары сердца, навсегда поражённого трагедией невозвратной потери:

<...> Если молнии в тучах заплещутся жарко
и огромное небо
от грома оглохнет,
если крикнут
все люди земного шара, –
ни один из погибших
даже не вздрогнет.
Знаю:
солнце
в пустые глазницы не брызнет!
Знаю:
песня
тяжёлых могил не откроет!
Но от имени сердца,

от имени жизни
повторяю:
Вечная
Слава
Героям!.. <...>

После Дня Победы мама забрала его из училища, и начались бесконечные переезды по разным городам, совершенно типичные для семьи военного. И мирная жизнь, в которой следы войны ещё долго давали о себе знать бродящими по электричкам инвалидами, не по годам постаревшими вдовами и материями, и уходящими один за другим от военных ран и надорванного здоровья ветеранами:

<...> Я знаю, что схватка идёт не на равных
И нечем ответить
такому
врагу.
Но я не могу
 уберечь ветеранов.
Я даже собой заслонить не могу!
И я проклиная пустую бравату,
мне спать не даёт
ощущенье вины...

Всё меньше и меньше
 к Большому театру
приходит
участников
прошлой войны.

(«Война откатилась за годы и гуды...»)

В 1951 году в Москве, в Литературном институте, Роберт встретил и свою первую любовь – Алёну – Аллу Борисовну Кирее-

ву, дочь знаменитого литературного критика Бориса Киреева. Она окончила вместе с ним Литературный институт им. Горького в группе критики. 1953 год стал для них началом долгой счастливой жизни длиной в сорок лет.

Мы совпали с тобой,
совпали
в день, запомнившийся навсегда.
Как слова совпадают с губами.
С пересохшим горлом –
вода.
Мы совпали, как птицы с небом.
Как земля
с долгожданным снегом
совпадает в начале зимы,
так с тобою
совпали мы.
Мы совпали,
ещё не зная
ничего
о зле и добре.

И навечно
совпало с нами
это время в календаре.

Это стихотворение можно считать поэтическим символом их отношений. Стихов о любви у Р. Рождественского написано очень много («Всё начинается с любви», «Богини», «Радар сердца», «Разница во времени», «Старые слова», «За тобой через года...», «Необитаемые острова», «Восемьдесят восемь», «Эхо любви» и др.). Это одна из главных тем его поэтического творчества: он размышляет и о важности любви, и разных её ликах, и разных возрастах, в которых она проявляется одинаково очищающе...

<...> Придёт и к вам любовь
Высоко-высоко,
И молнии сверкнут над вами.
Как будет трудно вам,
Как будет вам легко,
Нельзя и рассказать словами. <...>
(«Придёт и к вам любовь»)

Но главное в любви – это совпадение! Если не совпали в пространстве, во времени, во взглядах и словах – всё остальное не имеет смысла.

В интервью журналисту Андрею Кравченко на вопрос «Повезло ли вам в жизни?» Роберт Рождественский ответил: «Повезло, что родился. Потому что если бы этого факта не было, то всё остальное можно было бы не обсуждать... Мы были счастливы в детстве, несмотря на то, что было вокруг... Я с детства был другим абсолютно, потому что я был верующим в Великого Вождя, причём совершенно искренне. Очень! И сейчас молодежь снисходительно всё это слушает, думая: «Господи! Какие же они идиоты... Неужели они?.. Неужели они...» Мы были вместе. Были и есть. С этой страной – прекрасной, несчастной, страшной, великолепной...»²⁸ Перефразируя его слова, можно это же самое сказать и о любви: если встреча не состоялась, любовь не родилась, то всё остальное о ней говорить бессмысленно.

<...> И даже в краю наползающей тьмы,
за гранью смертельного круга,
я знаю, с тобой не расстанемся мы.
Мы – память,
мы – память.
Мы –
звёздная память друг друга. <...>
(«Эхо любви»)

²⁸ Рождественский Р. «Я люблю это время! Я жизнь люблю!». Интервью 26.09.1993 // Сайт Андрея Кравченко. http://and-kravchenko.ucoz.ru/publ/pamjati_roberta_rozhdestvenskogo_intervju_26_09_1993_goda/1-1-0-

При этом к стихам Р. Рождественского как-то не очень применяется понятие «любовная лирика». Это именно стихи о любви, потому что в них присутствует и патетика, и торжественные интонации, и даже некоторая эпичность – но всё это в полной мере сдобрено безграничной искренностью чувств, тонкостью ассоциаций, богатством метафор и сюжетных мотивов...

<...> Ты –
 мой ветер и цепи,
сила и слабость.
Мне в тебе,
 будто в церкви,
страшно и сладко.
Ты –
 неоткрытые моря,
мысли тайные.
Ты –
 дорога моя,
давняя,
дальняя. <...>
(«За тобой, сквозь года иду не колеблясь...»)

Стихи Роберта Рождественского настолько богаты красотой чувства и красотой поступка, что кажется непростительным упущением не привести необходимые цитаты, чтобы ни одна сторона его точных, мощных в своей меткости чувств не осталась утерянной. Он так изящно и оригинально видит любую ситуацию, любое привычное явление жизни, что мысль и чувство останавливаются в замешательстве и удивлении: неужели это тот же мир и те же отношения, которыми живёт каждый человек? Как, например, его переживание ссоры с любимой в стихотворении «Ливень»:

<...>Хочешь,
 высушу птиц?

Счастлив!..

...А ведь это я –
пятьдесят второго года.

Это он, сошедший с телеэкранов пламенный мастер слова, принимал активное участие в общественно-литературной жизни: постоянно ездил по стране, выступал перед читателями, руководил семинарами, был секретарём правления СП РСФСР и СП СССР, вице-президентом Европейского общества деятелей культуры, председателем комиссий по литературному наследию О.Э. Мандельштама, М. Цветаевой, В.С. Высоцкого. Работал в игровом и анимационном кино. Был членом жюри 26-го и 32-го МКФ в Каннах (1973, 1979). Даже простое перечисление его наград впечатляет и количеством, и частотой их получения: Лауреат премий Московского комсомола (1970), им. Ленинского комсомола (1972) и Государственной премии СССР (1979). Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции и «Знак Почёта» (дважды).

Все повороты биографии Р. Рождественского тоже объясняются его жизненной позицией, как всегда, выраженной стихами:

Не стоит
от себя бежать,
глаза
потупив...
Поступки
надо совершать!
Одни поступки! <...>
(«Не стоит от себя бежать...»)

Сам он постоянно совершал такие поступки, на которые другие, более робкие, не решались. «Он был очень естественным в том, какой он был, и в том, как сложилась его жизнь. Ну вот, например, когда была учреждена премия – Государственная премия России,

– комитет по Госпремии в первый же год, в первое своё заседание предложил дать премию своему председателю. И Роберт, который тоже был там, сказал: «Ну как-то странно... я против». Никто его не поддержал, и он тогда вышел из этого комитета. В знак протеста» [Ваншенкин, 2002, с. 54].

«Вот что его отличало от всех нас: он был человек искренний, чистый, полный доброты. Это самое главное в нём было. И в нём было чувство идеала. Это, пожалуй, единственный в литературе человек, который верил в то, что он пишет. Для него эти слова не были ходульными. Многие из нас писали романтические слова на счёт коммунизма и всяких вещей. Для него это не было риторикой. Это были убеждения, поэтому к нему с уважением относились все. Он был из цельного куска человек, он действительно принадлежал этой идее, верил в неё, за неё шёл. Он был одним из тех, кто вернул нам Высоцкого, своим авторитетом Роберт издал его первую книгу...» [Вознесенский, 2002, с. 141].

«...Он был очень на виду: он был секретарём Союза, он был любим начальством, потому что они понимали его значимость. Он имел опасность стать сановником, забронзоветь и наделать массу вещей, за которые можно было стыдиться. Но он не принимал участия ни в каких гадких начинаниях...» [Горин, 2002, с. 307]. В одном из своих стихов он сам говорит об этом:

<...> Жил богатырь на свете.

Явно – не самый слабый.

Был богатырь, и – нету.

Жалко

богатыря...

Страшное испытанье:

медные трубы славы!

Соображали предки.

Слов не бросали зря.

(«Сказка о медных трубах»)

Подобных воспоминаний о нём можно приводить бесконечно. Они максимально приближают к пониманию того, что такое «шестидесятники» и кто такой Роберт Рождественский.

Из того, что довелось мне сделать,
выдохнуть случайно довелось,
может, наберется строчек десять...
Хорошо бы, если б набралось.

(«Никому из нас не жить повторно...»)

Его жизнь проходила в центре, в столице, в гуще международных творческих отношений. Но во всех его стихах между строчек читается неиссякаемая любовь к окружающему его миру, людям, событиям, которые в самой глубине сердца складываются для каждого из нас в сложно выражаемое понятие «Родина».

Нахожусь ли в дальних краях,
ненавижу или люблю –
от большого,
от главного
я –
четвертуйте –
не отступлю.
Расстреляйте –
не изменю
флагу

цвета крови моей...

Эту веру я свято храню
девять тысяч
нелёгких дней.

(«Нахожусь ли в дальних краях»)

Эта твёрдая личная позиция по отношению к главным ценностям особенно характерна для творчества Р. Рождественского. Он

выступал открыто даже в самых политически опасных делах. Поэт Лев Озеров (впоследствии принимавший в Литинститут начинающего барнаульского поэта Леонида Мерзликина) знает это особенно хорошо:

«Особенно нас сблизила Комиссия по литературному наследию Марины Цветаевой, которую он возглавлял, а я был одним из ее членов. Время было страшное. Шла, хотя и медленная, с оглядками и оговорками, реабилитация Марины Цветаевой. В России вывод из-под запрета крупного художника – дело затяжное и муторное. Нужны десятилетия. Скажем так: эпидемия проклятий в адрес Цветаевой, эпидемия опалы, непризнания, грубого окрика прошла, но карантин державной осторожности и чиновничьей осмотрительности ещё не был снят. Наши с Робертом Ивановичем цели, задачи, планы были просты и ясны: добиться издания однотомника, потом двухтомника, потом массового издания. Мы совместно разрабатывали стратегию и тактику борьбы (неточное, но привычное слово) за цветаевское наследие. В эту пору мы много встречались и, соединенные одним делом, беседовали... Ах, Роберт, добрая душа, человек точного ораторского жеста, но чуждающийся и его, и громких слов, мастер тихой задушевной беседы, мастер содержательного молчания. Ах, Роберт, как он любил и жалел (да, жалел) не только человечество, но и человека. Быть может, больше всех нас он, как подсолнух к солнцу, был повёрнут к человеку. И именно это прежде всего ощущается в последней книге. ...Меня всегда покоряло умение Роберта Рождественского размышлять на людях, не вещать, не ораторствовать, а именно размышлять» [Озеров, 2002, с. 544–545].

И где-то в безбрежности ощущения Родины оставался для Роберта Рождественского далёкий уголок «малой родины», которая звала его – безотчётно, подсознательно – но память о ней звучит в нескольких его значительных стихах и встречи эти происходили.

Член Союза писателей с 1954 года, Роберт Рождественский ещё студентом побывал на Алтае в 1955 году во время производственной практики. Работал здесь корреспондентом газеты «Алтайский комсомолец». На Алтае родились три стихотворения, которые

пришёл,
 в победном рёве
 медных труб,
взамен войны –
Великой и Отечественной –
Великий
и Отечественный
труд!.. <...>

(Из поэмы «Двести десять шагов»)

Он делится своими предельно внимательными наблюдениями за страстно любимым им миром и делает это так выразительно, что каждый читатель в знакомстве с его стихами получает ещё и уроки эмоциональной широты и гибкости, практику чувственного опыта и высокую школу любви и сострадания:

<...> Сейчас по склонам
 чайки бродят важно.
Мир
красноватым светом озарён...
Всё это ваше, люди!
Ваше!
Ваше!
Как мы богаты
 небом и землёй!
Как мы богаты ливнями мгновенными
и трепетным дрожанием стрекоз!
И снегом.
И нетронутыми вербами.
Смолой,
лениво капающей в горсть.
Дурманящими запахами сена.
Тяжёлой желтизной пчелиных сот.
Богаты

ЮГОМ мы.

Богаты
севером.
И рёвом рек.
И тишиной лесов <...>

(«Невероятное спасибо, дюны!»)

Поэзия Роберта Рождественского в традициях «шестидесятников» учит не только наблюдать мир, но и думать о нём, находить едва уловимые смыслы, которыми жизнь направляет человека к самому себе, миру и постижению истины («Осенью»):

<...>Дождь летит
по непонятной кривой.
У Невы
и для дождей
есть ответ.
И становятся дождинки
Невой,
смысл её приобретая
и цвет <...>

И совершенно в духе откровений XX съезда о личности Роберт Рождественский практически в каждом своём стихотворении ставит и ставит главнейший жизненный вопрос – что есть человек?

<...> Мир
дрожит,
будто он искупался
в январской воде...
Надо
жить!
У последней черты.
На последней черте.

Думать всласть.
Колесить, как товарный вагон
И не красть.

Разве что –
 у богов.
Огонь.

(«Не убий...»)

На его стихах выросло не одно поколение сильных, чутких, достойно идущих по жизни людей. И нынешним юным и взрослым современникам тоже важно в пору творческого роста и личностного взросления услышать мудрые слова, научиться остроумию, напитаться гармоничными ритмами, образами и чувствами, чтобы получить позитивный импульс для долгого и порой нелёгкого жизненного пути.

А вы трусливых
 не слушайте,
Вы их сдуйте как пену,
Если вы есть –
 будьте лучшими,
Если вы есть –
 будьте первыми!

Последний, самый тяжёлый период его жизни, когда он медленно уходил от тяжёлой болезни, он стал писать стихи пронзительного трагизма, которые не выдерживали ни его семья, ни друзья, и читателям они даются со значительным эмоциональным усилием. В некоторых из них проступает безграничная потусторонняя тьма, почти физическое проживание собственной смерти («Постскриптум»):

Когда в крематории
 моё мёртвое тело начнёт гореть,
вздвогну я напоследок в гробу нелюдимом.

А потом успокоюсь.
И молча буду смотреть,
как моя неуверенность
становится уверенным дымом.

Это были минуты необходимого очищения, преодоления страха, преодоления боли расставания. И рядом с безысходным трагизмом «Постскриптума» Роберт Рождественский выходит на высокую философию:

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле...
Что-то я делал не так?
Извините:
жил я впервые
на этой Земле.
Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю,
если вернусь...

Но ведь я
не вернусь.

И всё же даже в последний период своей жизни его поэзия вдруг блеснула привычным его читателям оптимизмом, возрождением веры, светлым взглядом в будущее:

Я не был ещё.
Всё, что сказано,
зряшным,
наивным кажется.
Всё вышло не так, как виделось.

Не выстрадалось.
Не выявилось.

Каждый день происходит открытие новых смыслов, новых граней мира, новых глубин себя, вылившихся в убедительное утверждение:

А после
с ухмылкой пристойною
я слушаю речи застольные,
взгляды ловлю я жадные,
плюю
на злое брюзжание.
И твёрдо знаю на будущее:
я не был ещё.
Я буду ещё!

Поэзия Р.И. Рождественского повлияла на многих литераторов Алтая. К общерегиональным чертам поэтики алтайского текста можно отнести музыкальность, внимание к акцентному построению стиха, поэтическому авангарду. Общие установки «шесидесятников» с их тягой к часто наивной романтике долгое время формировали круг тем и идеи В. Озолина, Л. Мерззликина, В. Башунова и многих других.

Библиографический список

1. Балакина Е.И. Проблемы исследования саморазвития культуры Сибири в контексте нелинейной картины мира // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – №5(54). – С. 484–487.
2. Балакина Е.И. Становление и развитие художественной культуры Сибири XX–XXI вв. // Поликультурное пространство Российской Федерации: в 7 кн. / науч. рук. и гл. ред. Л.М. Мосолова. Кн. IV: Культура Сибири / отв. ред. Л.В. Дмитриева. – СПб.: Петрополис, 2013. – С. 357–378.

3. Балакина Е.И. Становление советского типа культуры в Сибири // Поликультурное пространство Российской Федерации: в 7 кн. / науч. рук. и гл. ред. Л.М. Мосолова. Кн. IV: Культура Сибири / отв. ред. Л.В. Дмитриева. – СПб.: Петрополис, 2013. – С. 287–310.

4. Балакина Е.И., Жерносенко И.А. Культура Сибири и Алтай. – Барнаул: АРТИКА, 2011. – 208 с.

5. Березовский Н. И палуба точкой опоры... Вильям Озолин // Литературная Россия. – 2001. – 16 марта.

6. Ваншенкин К. Поэзия не умирает // Р. Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская; под ред. А. Киреевой. – М.: Эстепонт, 2002. – С. 53–55.

7. Вознесенский А. Надо напомнить людям, что такое поэзия // Р. Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская; под ред. А. Киреевой. – М.: Эстепонт, 2002. – С. 141–144.

8. Горин Г. Время отбирает лучшее из него // Р. Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская; под ред. А. Киреевой. – М.: Эстепонт, 2002. – С. 307–308.

9. Денисенко С. Вильям Озолин: «Я примчусь, я приеду – звоните!» // Нефть и газ Сибири. – 2012. – №4 (9). – С. 65.

10. Евтушенко Е. Мы цапаемся жестко, мы яростно молчим // Р. Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская; под ред. А. Киреевой. – М.: Эстепонт, 2002. – С. 123–128.

11. Киреева А. Долгая любовь моя // Р. Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская; под ред. А. Киреевой. – М.: Эстепонт, 2002. – С. 423–448.

12. Корниенко В. 75 лет со дня рождения В.С. Шевченко // Страницы истории Алтая. 1997 г. – Барнаул, 1996. – С. 56–58.

13. Лейфер А.Э. Мой Вильям: эпизоды литературной жизни. – Омск: Наука, 2006. – 206 с.: ил., фот.

14. Литературная карта Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/About-TheProject/index.html>

15. Мерзликин Л. «Я иду по земле...» // Полное собрание сочинений: в 2 т. / ред.-сост. Е.И. Балакина. – Барнаул: Алт. дом печати, 2011. – Т. 1. – 438 с.

16. Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. – Новосибирск: Наука, 1982. – 607 с.

17. Писатели Алтайского края: биобиблиогр. словарь / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; [сост. А.М. Ковалева и др.; отв. ред. В.С. Олейник]. – Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2007. – 541 с.

18. Писатели Алтая. Т. 2: Антология алтайской поэзии. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. – Ч. 1.

19. Писатели Алтая. Т. 13: Антология алтайской поэзии. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2002. – Ч. 2.

20. Приставкин А. Кто же такие мы // Р. Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская; под ред. А. Киреевой. – М.: Эстепонт, 2002. – 567 с.

21. Прищепа В.П., Сипкина Н.Я. Орфей великой эпохи. Поэтическое творчество Р.И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов: монография. – Иркутск: Принт Лайн, 2011. – 244 с.

22. Родионова Н. Не только развлекать, но и воспитывать: о творчестве писателей В. Сидорова, В. Сукачева, Л. Квина // Алтай. – 1984. – №4. – С. 116–120.

23. Рождественский Р. «Я жизнь люблю!..»: стихи. Воспоминания / ред.-сост. Е.И. Балакина. – Барнаул: Алт. дом печати, 2012. – 512 с.

24. Состояние пространства: поэтическая антология авторов ЛПФ «Август» лауреатов краевых литературных премий. – Барнаул, 2008.

25. Стрельцова Н.В. И.И. Ползунов в работах алтайских авторов (краткий обзор) // Ползуновский альманах. – Барнаул, 2004. – №2. – С. 154–156.

1. 26. Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. – Т. 2. – 488 с.